

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

ПЕТР ШИРЯЕВ

Внук Тальони

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6
Ш64

Ширяев П.

Ш64 Внук Тальони : [повесть] / Петр Ширяев. — М.; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 255 с. — (Серия «Пальмира — природа»).

ISBN 978-5-517-08635-8

«Внук Тальони» (1930) — замечательная глава отечественной литературной «истории лошади», в которой описан быт ипподрома и конных заводов. Эта повесть, продолжающая традиции «Холстомера» и «Изумруда», — самое известное из произведений Петра Ширяева, в котором он продемонстрировал высокую композиционную технику, художественную насыщенность и драматизм сюжета. По мотивам «Внука Тальони» были сняты фильмы «Рысак» и «Любушка».

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-08635-8

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Наездник Олимп Лутошкин сидел у себя в столовой перед недопитым стаканом чаю, и у него было такое выражение лица, какое бывает у людей, потерявших последние деньги, когда за первым моментом испуга и отчаяния и часто нелепых попыток найти потерянное наступает безнадежное и злобно-сосредоточенное успокоение...

На столе лежали счета от шорника, ветеринарного врача, от кузнеца, беговая размеченная программа этого воскресенья, а пальцы правой руки, вытянутой по столу, мяли записку от очаровательной Сафир, в которой она смешно напоминала, что «завтра вечером я именинница».

Эту записку принес вчера Филипп, старший конюх, и, передавая ее, напомнил:

— Кузнеца опять встретил, лается и судом грозит.

Откинувшись на спинку стула, Лутошкин щурил глаза, и от этого сухое красивое лицо его казалось злым и острым. Он уже не думал, где бы достать денег. Эти думы, не дававшие спать ночь, к утру осели безнадежной гущей; лишь изредка из этой гущи ядовитым

пузырьком булькало воспоминание о деньгах, собранных им среди товарищей для больного наездника Гришина, и тогда Лутошкин скашивал глаза на лежащую перед ним беговую размеченную программу и смотрел на нее так, как смотрит послушный охотничий пес на кусок мяса, который хозяин запретил ему трогать...

Шестьсот семьдесят рублей, собранные для Гришина, лежали в ночном столике, в спальне, а сегодняшние бега при крупной ставке в тотализатор обещали хороший выигрыш...

«Если зарядить во втором заезде на Голубку все шестьсот семьдесят... Кобыла не имеет права проиграть!.. — Лутошкин зажмурился. — А если?..»

Левая бровь болезненно поползла вверх; Лутошкин встал, подошел к большому зеркалу и долго смотрел на искривленное усмешкой лицо.

— ...тогда под-лец! — отдельно выговорил он вслух и повторил еще раз это слово так, будто писал его крупными, жирными буквами: — Пп-о-дд-л-е-ц.

«Хотя почему, в сущности, подлец? — неожиданно вынырнула откуда-то юркая мысль. — Проиграю — подлец, а выиграю — умница и честный? Чушь! Это же чушь, чушь! И потом, по существу, — все подлецы! Кто не подличает? Не платить два месяца жалованья конюхам разве не подлость? В конце концов, все эти понятия о подлости и честности относительны...»

Мысли Лутошкина неодолимо устремились по пути переоценки всех ценностей. Он даже начал припоминать читанных на школьной скамье Шопенгауэров, Гартманов, Ницшей...

Был шестой час утра. В передней скрипнула дверь. Старший конюх Филипп с немывтым опухшим лицом и закисшими глазами вошел в столовую.

— Кобылу-то собирать? — спросил он и, икнув, отвернулся, по-собачьи виновато, от Лутошкина.

Заострившимся взглядом Лутошкин впился в его лицо и с тихой угрозой застучал по столу пальцами:

— Если ты... еще раз заявишься на конюшню пьяный — выгоню к чертовой матери! Понял?

Округлое свекольное лицо Филиппа приняло плаксивое выражение. Он съежился, словно ему вдруг стала холодно, и хрипло заговорил:

— Что вы, Алим Иваныч?! Одной росинки во рту не было!.. Будь я проклят, ежели...

— Сукин ты сын, вот что! — встал Лутошкин и, сунув в карман кителя секундомер, вышел во двор.

— Корм проела кобыла?

Филипп пренебрежительно сплюнул.

— Ко-орм?! Она кормушку могёт слопать, не то что корм! Заморенная, дьявол! На мое рассуждение, Алим Иваныч, толков из нее никаких не должно выйтить: и скучновата, и ребра мало, и...

— Помолчи, без тебя разберемся! — оборвал его Лутошкин.

Не отвечая на поклон двух конюхов, чистивших сбрую, он прошел в конец конюшни, к крайнему деннику*.

* *Денник* — отдельное помещение для лошадей в конюшне, где лошадь не привязывается и может свободно передвигаться. (Примеч. ред.)

Уткнув понурую голову в угол, серая кобыла даже не оглянулась на вошедших в денник наездника и конюха. Она казалась еще худее и унылее, чем вчера, когда ее привели. У Лутошкина неприятно засосало на сердце.

«Пожалуй, прав Филька, — ни рожи ни кожи...»

— Собирай! — хмуро приказал он, выйдя из денника.

Филипп и оба конюха начали готовить серую Лесть к запряжке. Лутошкин стоял тут же и изредка бросал приказания:

— Спусти бинт!

— Ногавки* давай!

— Чек!**

По мере того как кобылу, словно невесту к венцу, облачали в беговой наряд, ее понурость исчезала; она заметно оживлялась, и в кротких, влажных глазах зажигались огни. Уши, вздрагивая, как стрелки компаса, настораживались, нервные и чуткие к каждому звуку и к каждому движению конюхов. По тонким и сухим передним ногам пробегала чуть заметная дрожь. Из-за решетчатых дверей денников другие лошади смотрели с пугливой внимательностью на свою подругу, и некоторые из них били копытом в деревянный пол.

Лутошкину понравилось, что кобыла спокойна и в то же время чутка той чуткостью, которая сразу го-

* *Ногавки* — кожаные предохранители, которые надеваются лошади на пясть или плюсну для предохранения от ушибов во время движения. (*Примеч. ред.*)

** *Чек* — специальный ремень, помогающий лошади при быстрой езде держать голову поднятой, вследствие чего она идет более устойчивой рысью. (*Примеч. ред.*)

ворит наезднику об отдатливости лошади в работе и указывает, что у нее «много сердца». Как всякий наездник, он терпеть не мог лошадей тупых, «без сердца», хотя бы и очень резвых. Езда на таких лошадях вызывала в нем чувство, похожее на то, что человек с огромным аппетитом вынужден удовлетворять голод неприятным и невкусным блюдом...

Наблюдая за Лестью, Лутошкин вспомнил слова больного Гришина, по рекомендации которого владелец поставил в его конюшню эту лошадь:

«Кобыла старшего класса! Держись обеими руками за нее...»

Спустя полчаса он въезжал на беговой круг. Огромное пространство ипподрома, похожее на овальное блюдо, было ярко озарено утренним солнцем. Усыпанная желтым песком беговая дорожка красиво оттенялась сочной зеленью газонов и цветников по середине круга. Взад и вперед проносились американки*: шла обычная работа лошадей. Лутошкин подобрал опущенные ноги и стал укорачивать вожжи. Лесть заиграла сторожкими ушами и, словно балерина, начинала перебирать ногами, когда навстречу или перегоняя проносилась американка. Лутошкин оглаживал ее голосом и успокаивал. Наездник Синицын, на вороном машистом жеребце**, догнал Лутошкина и, скользнув взглядом по худой и лохматой Лести, насмешливо крикнул:

* *Американка* — специальный двухколесный экипаж (качалка) на тонких дутых шинах. Впервые был привезен в Россию американскими наездниками. (Примеч. ред.)

** *Машистый жеребец* — лошадь с размашистым ходом. (Примеч. ред.)

— С бойни?

Лутошкин промолчал. Лишь вожжи чуть дрогнули в руках, будто хотел он ударить кобылу...

Синицын никогда не пропускал случая посмеяться над Лутошкиным. Малограмотный, бывший лихач-извозчик, он не мог простить наезднику Лутошкину его интеллигентности, не мог примириться с тем, что Лутошкин когда-то учился в высшем учебном заведении и один из всех наездников посещал театры и концерты. «Ба-арин!» — часто язвил Синицын, намекая на его происхождение, и этим словом бередил самое больное место в самолюбии Олимпа Лутошкина. Лутошкин был незаконным сыном дворянина-помещика Варягина, владельца захудалого конного завода в Рязанской губернии. Чудак Варягин питал непонятную страсть к античному миру, и в его конюшне все жеребцы носили громкие имена богов, а кобылы — богинь: Юпитер, Посейдон, Зевс вороной, Астарта, Венера серая, Венера караковая и так далее. Прижив с вдовой своего бывшего кучера Ивана Лутошкина, скотницей Марфой, сына, Варягин, окрестил и его Олимпом и взял к себе в дом на воспитание. Вся нелепость последующей жизни Лутошкина, рожденного на скотном дворе от барина и скотницы, была как бы заранее предугадана и зафиксирована в этом сочетании чисто мужичьей фамилии и громкого имени, взятого из учебника истории Древней Греции. Чудак Варягин скончался без предупреждения на конюшне в тот самый год, когда Олимп, окончив реальное, поступил в Горный институт и ревностно занялся восстановлением запущенного конного завода, но вскоре